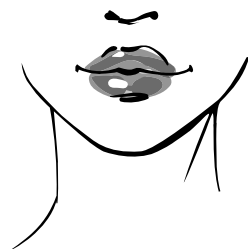

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ПРАКТИЧНО

О чем молчат
французские женщины

Д Е Б Р А О Л И В Ь Е

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 159.922
ББК 88.5
О-54

Debra Ollivier

What French Women Know: About Love, Sex,
and Other Matters of the Heart and Mind

Copyright © 2009 by Debra Ollivier. This edition
is published by arrangement with Triden Media Group,
LLC and The Van Lear Agency LLC

Оливье, Дебра.

О-54 О чем молчат французенки / Дебра Оливье ;
[перевод с английского А. В. Андреева]. — Мо-
сква : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Книги, о которых
говорят).

ISBN 978-5-04-172128-2

Почему все считают французенок такими сексуальными? Почему они такие стильные? Роскошные? И такие худые?! Журналистка из Лос-Анджелеса Дебра Оливье вышла замуж за француза и прожила во Франции 10 лет. Она утверждает: французенки действительно знают о мужчинах, любви и сексе нечто такое, чего не знают остальные женщины. В своем бестселлере «О чем молчат французенки» Дебра развенчивает много мифов и раскрывает секреты самых соблазнительных женщин мира. Какое это все имеет к вам отношение? Хм, кто знает, возможно, вы тоже... немного французенка.

УДК 159.922
ББК 88.5

© Андреев А.В., перевод на русский
язык, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-172128-2

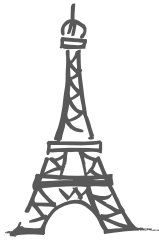
Оглавление

Вступление	7
Глава 1. Мужчины	31
Глава 2. Тайна.....	77
Глава 3. Правила	139
Глава 4. Идеал.....	181
Глава 5. Природа.....	241
Глава 6. <i>Art de Vivre</i> ¹	281
Глава 7. Тело	321

¹ *Art de Vivre* — искусство жить (фр.).

«Полезно знать обычаи разных народов для того, чтобы понимать свой собственный, а также чтобы не воспринимать все, что у них принято не так, как у нас, смешным и противоречащим здравому смыслу».

— РЕНЕ ДЕКАРТ —

Вступление

Первой француженкой, с которой я встречалась в Америке, будучи еще девочкой, была загадочная соседка, поселившаяся рядом с нами в Лос-Анджелесе. Она была... словно не совсем нормальной. Даже в самую жаркую погоду она носила на шее платок. Она ходила в местный продуктовый магазин на высоченных каблуках и рассматривала товары так, словно собиралась делать трепанацию черепа каждому помидору, который кладет в свою корзину. У нее было двое бледных и вежливых детей, которые носили носки с открытыми сандалиями (что в солнечном Лос-Анджелесе считалось преступлением), и эта троица говорила между собой на непонятном языке, словно прилетела с другой планеты. Та женщина носила волосы,

собрал их в пучок, и на фоне длинноволосых обитательниц Южной Калифорнии выглядела театрально и немного угрожающе. Она была существом из другой галактики. Казалось, что даже ее машина сделана не в нашей солнечной системе (как выяснилось, она ездила на кабриолете *Citroen DS*). Однажды я набралась храбрости, подошла к ней в супермаркете, где она придирчиво изучала молекулярное строение дыни-«колхозницы», и спросила, откуда она. Женщина осмотрела меня с ног до головы и с гордостью ответила: «Мы из Франции».

Ах, вот как. Теперь все встало на свои места. Все, о чем я пишу, происходило задолго до появления скетчей «Яйцеголовые»¹, поэтому ослабленные калифорнийцы еще не были готовы к появлению в их среде иноземных существ. Эта женщина была роскошной, немного пугающей и абсолютно не такой, как все остальные.

Я окрестила ее «мадам Франция». Она жила поблизости от нас, и между нашими семьями завязались в некотором роде дружеские соседские отношения. Моя мама решила поприветствовать вновь прибывшую в наш район незнакомку

¹ Англ. *Coneheads* – серия скетчей об инопланетянах, показанных в начале 1990-х гг. в лучшей американской юмористической ТВ-передаче *Saturday Night Live (SNL)*. Позже был снят полнометражный фильм в духе этих скетчей. – Прим. перев.

Вступление

и угостила ее домашним печеньем с шоколадной крошкой. «Мадам Франция» не осталась в долгу и пригласила к себе домой, «проставившись» бутылкой арманьяка. Все мы ломали голову над вопросом, есть ли у нее муж. Если есть, то где он? Может, она вдова? Или в разводе? Никто не знал, все боялись спросить, отчего личность и прошлое «мадам Франции» становились еще более загадочными. Я завязала знакомство и начала играть с ее детьми, которые оказались в одинаковой мере капризными и дружелюбными. Помню, что она была первой французенкой, которой я произнесла мою первую фразу на французском языке. Я сказала ей, что собираюсь есть: «*Je vais manger mon diner*»¹, на что та покачала головой и ответила: «Нет, дорогая. Это животные едят. А люди обедают». Сказано это было с таким бесповоротно французским убеждением и силой, что я почувствовала, словно меня ударили по голове чем-то тяжелым.

В то еще невинное подростковое время я уже догадывалась, что Франция — это земной рай тонких чувств, плотских наслаждений и высокой культуры. Американская танцовщица и певица Джозефин Бейкер (*Josephine Baker*), одетая

¹ Буквально: «Я собираюсь съесть мой обед» — фраза построена грубовато, т. е. в типично американском стиле. — *Прим. ред.*

О чем молчат француженки

в юбку из банановых листьев и нитку жемчуга, стала там звездой в годы между двумя великими войнами прошлого века. Генри Миллер писал в своей парижской «лаборатории черных кружев» скабрёзные романы, которые незамедлительно запрещали к издательству в его родной Америке. Франция всегда привлекала людей своим свободомыслием, интеллектуальностью, сексом без обязательств, высокой культурой и известными на весь мир кулинарными блюдами (не обязательно в том порядке, в котором я перечислила). И среди всех соблазнов этой страны самыми притягательными и желанными были, конечно, сами француженки.

Вот уже много столетий француженки славятся своей привлекательностью с сильным оттенком вульгарности и непристойности. Француженку считают кокеткой, роковой женщиной, соблазнительницей, секс-игрушкой, женщиной-вампиром, сукой и Снежной Королевой одновременно. Она рафинирована до кончиков ногтей, строго следует этикету, и она одновременно модница и отвергающий предрассудки бунтарь.

С тех времен, как французы подарили нам статую Свободы, представители этой нации оказывали довольно неоднозначное влияние на американскую культуру, их считали совершенно отличными от всех остальных людей. Любопытно, что в поп-культуре «мальчиш-плохиш» зача-

Вступление

стю говорит с французским акцентом. Любовница в канонах нашего культурного стереотипа, без всякого сомнения, должна быть француженкой. Стерва и подонок обычно оказываются французами (ну и раз на то пошло, это касается также повара, вора, его жены и его любовницы). В представлении среднестатистического американца женщина с пугающе длинными ногами от ушей просто обязана быть француженкой, но и дьявол чаще всего изъясняется с сильным французским акцентом.

Понятное дело, что мы воспринимаем француженку как существо слегка порочное. Ее страсть для нас, как провокация. Мы любим и одновременно ненавидим ее только потому, что она — наша полная противоположность, и потому, что ее миропонимание противоречит нашим культурным традициям и нормам морали в вопросах любви и секса. Ну и, кроме прочего, мы совершенно уверены, что ей есть что скрывать. Она будто с рождения была окружена атмосферой чувственности, в то время как все мы выросли под присмотром бойскутов-пионервожатых с их командой: «Руки поверх одеяла!» Судя по всему, француженка знает гораздо больше, чем мы, о том, как давать и получать удовольствие, чаще занимается сексом без обязательств и вообще ест гораздо больше сладостей и пирожных, чем мы можем себе позволить.

О чем молчат французские

Как и многие другие американцы, я впервые попала во Францию бэкпэкером¹. Несколько лет спустя я вернулась, начала обучение в Сорбонне, поселилась в меблированной кладовке старой, роскошной, но мрачноватой квартиры в XVI *arrondissement*², которую делила с соседкой по комнате по имени Соланж.

Соланж родилась в Эльзасе. Кожа ее была бледной, а волосы соломенного цвета. Несмотря на ангельский вид и предполагаемый сказочный подтекст характера, она была жестка, как сталь, и экономна, как хуторские крестьяне Северной Европы, от которых и происходила. Так я объясняла себе ее бережливость и умеренность.

Она ела сыр и оставляла корки, которые сушила, после чего растирала себе в суп. Точно так же она обходилась с высохшими остатками длинных багетов.

Она была сдержанна, во время разговора практически не жестикулировала, и у нее было всего три платья, что объясняло почти полное от-

¹ Англ. *back-packer* — малобюджетный турист с рюкзаком. — Прим. перев.

² Франц. — городской район. — Прим. перев.

Вступление

сутствие вариаций в ее облике. В общем, хотя Соланж и была стопроцентной француженкой и обладала определенным шармом и сексапилью, я поняла, что, если все француженки такие же, как она, мне явно стоит пересмотреть свое представление о представительницах женского пола Пятой республики. К тому времени я поняла, что общеизвестное выражение *je ne sais quoi*¹, которое англосаксы² связывают с француженками, вероятно, скрыто где-то в их глубине и совсем не так очевидно, как принято считать.

На последнем курсе Сорбонны я читала много *nouveau romans*³, часто носила шарфы и платки и благодаря ежедневному общению с местными жителями приобрела собственное отношение к французам — смесь любви и ненависти. Прошел насыщенный событиями и вкусной

¹ *Франц.* буквально переводится «я не знаю что» и означает, что человек хочет выразить нечто трудно выразимое словами. — *Прим. ред.*

² Да, я понимаю, что норманны покорили англосаксов много столетий назад и с тех пор многое изменилось. Я использую термин «англосаксы» или приставку «англо-» как обозначение культурной среды США и стран, исторически входивших в британскую сферу влияния, и для обозначения англофилов. Каюсь перед всеми поборниками лингвистического пуризма, виновата. — *Прим. автора.*

³ *Франц.* «новые романы». Здесь в смысле «дань моде, литературное направление». — *Прим. ред.*